

Творческая
биография:

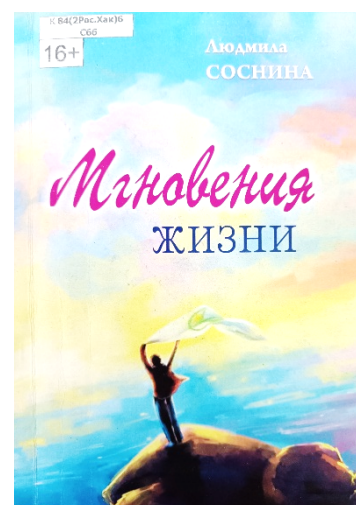
Живет в п. Усть-Абакан. Родилась в Забайкалье. По образованию геолог, окончила Красноярский институт цветных металлов. Стихи писала постоянно, но публиковать их стала после переезда в Хакасию. Кроме стихов, пишет сказки и небольшие рассказы. Публикации в альманахах «Юрта», «Енисейская Сибирь», «Новый Енисейский литератор». Дважды лауреат конкурса одного стихотворения альманаха «Новый Енисейский литератор», лауреат конкурса короткого рассказа альманаха «Новый Енисейский литератор», призер конкурсов одного стихотворения и короткого рассказа, конкурса восьмистиший («Новый Енисейский литератор»), лауреат литературного «Конкурса маринистики», лауреат многочисленных литературных конкурсов журнала «Клио и Ко» (г. Пермь).

Книги автора:

Соснина, Л. В. Сказки города
Тирита : сказки : [6+] / Людмила
Соснина ; художник О. Л.
Ожигина. -
Абакан : Дом литераторов
Хакасии, 2017. – 66 с.

Соснина, Л. В. Мгновения
жизни : стихотворения : [16+] /
Людмила Соснина ;
иллюстрации О.Л. Ожигиной. -
Абакан : Бригантина, 2019. -
203, [1] с.

Патриотическая
лирика

Мой Бессмертный Полк

Я поздно родилась, после войны,
Когда уже погибли мои деды,
Когда погасли яркие огни
Салютов горько-радостной Победы.

Не грохотала надо мной гроза,
Снаряды не рвались передо мною,
Но видела я бабушки глаза,
Наполненные вдовьею слезою.

Я не из книг узнала о войне,
Я с детства сердцем боль её впитала.
Родные люди гибли в том огне,
И я душою с ними разделяла

Всё горе их, всё мужество, всю боль,
Все их труды, надежды, и печали,
И всю их несвершённую любовь,
И скорбное бесслёзное молчанье.

По мне прошла та грозная пора,
Как будто я была с дедами вместе –
С тем, в сорок третьем умершим от ран,
И со вторым, исчезнувшим без вести.

Война болела у меня внутри,
Когда я из далёких дней смотрела,
Как бабушка, детишек накормив,
Сама очистки от картошки ела...

Как моя мама, девочка совсем,
С рассветом шла на взрослую работу,
И снег лежал на спутанной косе,
И мёрзли ноги в старых рваных ботах...

Как будто я в тот первый день войны
Сама стреляла лёжа и с колена
Со свёкром юным... Я делила с ним
Весь ужас окружения и плена...

Я со свекровью на работу шла,
Багром тяжёлым поднимала брёвна,
А ночью шила кофту из мешка

	И украшала довоенной брошью... Я с ними ликовала той весной, Когда цвела земля и пели реки... Они всегда останутся со мной, В роду моём останутся навеки. Сегодня внуки в том строю идут, Глаза ясны, распахнуты ресницы, Над ними строго и легко плывут В Полку Бессмертном дорогие лица.
Стихи автора:	Детство *** Что было в детстве? В детстве было – счастье, Босые ноги, тёплая трава, И голубое ситцевое платье, И бабушкины строгие слова. Сияло солнце над моей Вершиной, Скакал в ограде бело-звонкий град, Мычала Зорька, мама кофту шила, Железный обруч гнал весёлый брат. Был чёрный хлеб, чернильница, две книги, И редко-редко горсточка конфет. А за оградой, за полыньёй дикой Лежал такой понятный белый свет. Единым слитком, не дробясь на части, Сверкал мой мир: друзья, поляна, дом... Всё было – счастье! Было столько счастья, Что беды – все! – покрылись им потом. Зимний день. Детство. Утро. Баба берёт коромысло – Знать, пойдёт за водою на ключ. - Ты куда? Ты со мною не мысли! Нынче холодно. И не канючь! Погляди-ка, какие сумёты! Видно, ноги ломило не зря...

Но весенним багуловым цветом
Занималась над речкой заря.
А к обеду и вовсе стихало.

-Ну, иди, покатайся часок!

Ах, какие весёлые санки
Из шершавых сосновых досок!
Ах, как птицей я с горки летела,
Как смеялась счастливо, взахлёб!
Ах, как солнышко в небе вертелось,
Когда санки летели в сумёт!..

Синий вечер, как вредный мальчишка,
Завивает опять круговерть.
И родная подруженька-книжка
Заставляет меня замереть,
Удивиться размеру Царь-пушки,
О царевиче смутно мечтать
И до самого сна под подушкой
Над Музгаркиной смертью рыдать.

После слёз сладко я засыпала.
День звездой подмигнул и ушёл.
А что счастьем он был – я не знала,
И узнала не скоро ещё...

Берёза

Ах, как сладок был в детстве берёзовый сок!
Как доверчиво тёплые губы
Приникали к стволу, и заветный глоток
Из чудесной берёзовой глубины

В глубь мою уходил, словно в тёплый песок,
Согревая, лелея, голубя...
Изнутри поднимался весёлый росток,
Благодарный росток жизнелюбья.

И белила кора мой прижатый висок,
И так щедр был берёзовый кубок,
И ворочался в почке зелёный листок,
Тщась порвать надоевшую шубу.

Как едины мы были – берёзка и я!

Как спешила по жилам кровь её и моя!

Летний день. В весёлой речке
Пёстренькие камни.
Как чудесно быть беспечной,
Трогать их руками!
Как чудесно быть девчонкой
Лет семи от роду,
Из весёлой той речонки
Пить живую воду!
И бежать, бежать по травке –
Далеко! Вприпрыжку!
Рвать ромашки и купавки!..
Испугаться... мышку...
Вон... левей... ест свой горошек
В зарослях кудрявых...
Замереть... и осторожно
Повернуть... направо...
На шмеля глядеть с опаской –
Вдруг ужалить хочет?
И с кузнечиком смеяться,
И плести веночек.
И надеть! И стать – Царевной
Травок и Букашек
В центре мира, возле речки,
Посреди ромашек!

Моё детство

Я бежала весёлой девчонкой
По поляне, горящей жарками,
Голубицу в зелёный бидончик
Собирала проворно руками,
Выгоняла к лесочку телёнка,
Ловко лёгкие грабли держала,
В шалаше, в его жарких потёмках,
Интересные книжки читала.
Не носила я платьев красивых,
Шоколадных пирожных не ела,
Но какую была я счастливой!
Но какие я песенки пела!

Греческие мифы

Ночь опустилась над тихой деревней,
В синих сугробах затихла метель.
Оцепенели седые деревья.
В маленьком доме стелили постель.

Девочка тихо у печки сидела,
Заворожённо следя за огнём.
Что там сверкало, и что там горело,
Что за видения грезилась в нём?

Смелый Геракл широко улыбался,
Падал с небес молодой Фаяз,
К солнцу беспечный Икар поднимался,
Мудро молчал бородатый Хирон.

Золотом жарким горели поленья,
Золотом тусклым горел переплёт
Книги, лежащей на острых коленях.
Глухо на речке потрескивал лёд.

Ночью морозной Великая Древность
Тихо вошла невесомой стопой
В бедное детство, в глухую деревню,
В сердце задумчивой девочки той.

Как падал снег в моём чудесном детстве,
Как ласково ложился на крыльцо!
Как не могли снежинки наглядеться
В моё, восторга полное, лицо!

Как целовали нос, глаза и щёки,
Колючими краями щекоча!
А за спиною брат орехи щёлкал
И на снежок смотрел из-за плеча.

Как весело – толкнув: «Чего ты хмурый?»,
Шагнуть подшитым валенком в сугроб,
Слепить снежок и с хитреньким прищуром
Прицелиться братишке прямо в лоб,

И хохотать, и падать в снег пушистый,
И вместе изучать сорочий след...
А он всё падал, чистый-чистый-чистый,

На наше детство, этот щедрый снег.

Под небом Парижа

Пел Ив Монтан про небо над Парижем,
Я слушала, не понимая слов,
Растерянна, растроганна, недвижна.
Глаза щипало от неожиданных слёз.

А за окном багульник цвёл. С ботинок
Мой брат счищал налипнувшую грязь.
Крутилась тихо чёрная пластинка,
И прямо в сердце музыка лилась.

Пластинку эту я сама купила,
Ругалась мама: не по-русски всё!
Я радиолу тихо заводила,
Когда одна, и слушала её.

И плакала... Мне было лет тринадцать.
Ещё не знала я ни власти слов,
Ни власти муз... Стеснялась слёз дурацких...
Пел Ив Монтан. В тайге багульник цвёл

Воспоминание

Под горой у речки
Наш покосный стан.
Словно дым из печки,
Тянется туман.
Кашею с тушёнкой
Пахнет от костра.
В балагане тонко
Ноет мошकारа.
Там остаток ночи,
Темнота, уют...
— Поднимайся, доча!
Птицы уж поют!
Выбираюсь сонно,
В небушко смотрю,
Как качают сосны
Тихую зарю.
Весело вбегаю
В молоко реки,
Слышу: отбивают
Косы мужики.

Веточки смороды
В чай бросает мать.
...В полдень на зароде
Буду я стоять,
Завершу, как надо,
Причешу ладом
И привычным взглядом
Огляжу кругом.
Сброшу грабли, съеду –
Не качнётся стог.
- Доченька, обедать!
- Нет, сперва квасок!
И прильну губами,
Пот сотру с лица.
Тёплый голос мамин
Скажет: «Молодца!»

Как нескоро вечер!
Кажется, что день
Будет длиться вечно
Там, где старый пенёк
Дышит земляникой,
Таволга цветёт,
Там, где мама тихо
Песенку поёт,
Там, где моя память –
В светлом мире том,
Где туманы пахнут
Ласковым дымком

О переезде

Моей родной деревне

Увозили на чужую сторонку,
Не спросили, больно, нет ли ребёнку.
Мол, привыкнет, ишь, чего захотела! –
Про отъезд решать не детское дело.
Увезли... а свет души там остался
В том часу разлучном дня, в том пространстве,
Где саранки от печали прогоркли,
Где махала моя бабушка с горки...
Там осталось моё детство и счастье...
И – печалься я теперь, не печалься –
Что осталось, то осталось навеки,

Между нами горы, годы и реки...
Унесло меня... Как я тосковала!...
Как по искре новый свет создавала...
Создала... Теперь живу – слава Богу.
Только всё хожу, хожу на дорогу –
Может, кликнет кто меня с полустанка,
И – туда! – где полыхает саранка,
Где качают птиц родные деревья,
Где земля родная ноженьки греет...

Ода детству

О, золотое моё детство,
О, мои радужные дни!
Где мне найти такое средство,
Чтоб возродить и сохранить
Все твои радости и тайны,
Жарки, лягушек, ключ хрустальный,
Вечерний сизый дымокур,
Молочных струек звон в подойник
И Ковш Медведицы бездонный,
И блузки маминой гипюр?

О, мои горы голубые,
Мои волшебные леса,
Мои фантазии и были,
Моих подружек голоса!
И диафильмы в тёмном классе,
И очередь к билетной кассе –
Ручонки с тёплым пяточком.
И стрёкот киноаппарата,
И хохот маленького брата
Над бедным Ваней-дурачком.

О, моя маленькая школа!
О, первых книжек колдовство!
О, с каждой птичкой, с каждой кошкой,
С травинкой каждою родство!
О, моё детство золотое,
Босое, бедное, простое,
Прими поклон мой и любовь!
Исток мой чистый и беспечный,
Воспеть тебя достойно – речи
Не хватит слов, не хватит слов...

Семья

Родня

Родня моя! Все б дни твои изведать,
Твои тревоги, радость и покой.
Мне никогда не виденного деда
Обнять бы нежно тёплой рукой.

Назло пространству, времени, разлуке
Давайте соберёмся у меня –
Прапрадеды, прабабки, дети, внуки –
Родные, золотые имена...

По рюмкам бражку светлую нацедим,
Пельменем да груздочком заедим,
И самовар блеснёт весёлой медью,
И пышным шаньгам честь мы воздадим.

А вечерком присядем на крылечко
Все вместе, рядом, под комарий звон.
Гольяны будут веселиться в речке,
Вздыхать коровы, крякать старый дом.

Мне подмигнув весёлым карим глазом,
Затянет прадед песню про коня.
«Гуляй, мой конь!» - родня подхватит разом,
И перехватит горло у меня.

Мой род, родня, мои живые корни,
Моя отчизна, дом, земля, трава...
Пружинят жилки внуков отчей кровью,
А значит – вся родня моя жива.

Бабушка моя...

Богородской травой поила меня от испуга,
Наряжала берёзкой избу на весёлый на Троицын день.
Так нам было тепло, так любили мы с нею друг друга,
Так на нашем крыльце была ласкова синяя тень...

Так сверкал и журчал таволожником белым заросший
Светлый ключ-студенец среди серых замшелых камней...
И алели саранки, и солнце садилось за рощу,
И хороший такой под стрехой у нас жил воробей.

А какие узоры зима нам дарила на стёкла!
А как пахла смолой новогодняя наша сосна!
Цвёл кострами багульник, пурга наметала сумёты.
И над всем этим миром спокойно царила она.

В мои русые косы огромные маки вплетала –
Ни заколок, ни лент не водилось в сельмаге у нас.
И коленки мои, и печали мои врачевала,
И лучились морщинки у синих, как небушко, глаз.

На прощанье меня с днём рожденья поздравила тихо
И уснула навек, узловатые руки сложив...
Столько минуло лет... Я хлебнула и счастья, и лиха
Из таинственной чаши с коротким названием «Жизнь».

И всё дальше и дальше от детства уводит дорога,
Но я знаю одно: на любом повороте крутом
Удержусь – потому, что стоит она там – у Истока,
Смотрит ласково вслед и меня осеняет крестом.

Мама моя ко мне в гости пришла.
Мне некогда с ней говорить –
Ждут книги, тетради, другие дела.
Поэт – и должна я – творить!

Возвышенных слов сколько надо сказать,
И сколько всего изучить!
Но снова моя беспокойная мать
В прихожей стоит и молчит.

- Пришла? Проходи. – Но она поняла.
- Тебе я мешаю, поди? –
И робко глаза на меня подняла,
Шалёнку прижала к груди.

И вдруг захлестнул меня – воздуху нет! –
Такой обжигающий стыд,
Что высветил всё его яростный свет:
И шёпот полночных молитв,

И песню её, что, больную, меня
Из бреда и жара вела,
И синенький ситчик, который она

В шкафу для меня берегла,

И старые руки, больные, в узлах,
Вязавшие тёплый носок,
И шаньги её, и в наваристых щах
Мне мяса – получше – кусок...

...Мама моя ко мне в гости пришла.
- Ну, что мы в прихожей стоим?
Садись же, родная. Да к чёрту дела!
Давай-ка поговорим.

Я чай заварила. Тебе с молоком?
Сметанки? Варенье иль мёд?
Ну, как ты спала?
- Под замёрзшим окном
Святая беседа идёт.

Маме

*Среди зла делай добра
Мамина поговорка*

Мама, мама, пять лет пролетело
Без тебя, человек мой родной...
Под землёй твоё хрупкое тело,
А душа – надо мной и со мной.

Угасали и силы, и память –
Ты смиренно несла ту беду,
Разрешив себе тихо поплакать,
Когда я по делам убегу.

Никому не сказала худого,
Не винила ни в чём никого,
Ничего не припомнила злого
Из крутого пути своего.

И меня лишь добру ты учила,
Чтоб его я творила средь зла.
Поговорка, что всех нас сердила,
Твоей самой любимой была.

Возмущалась мы: несправедливо
Злым прощенье дарить и добро!

Ты молчала, но прочно входило
Твоё слово мне прямо в нутро.

Ты прощала моё раздражение,
Ты жалела усталость мою...
Плачу, мама, что в бытокружение
Я тебе не сказала «люблю»,

Что не часто я рядом сидела,
Что не часто за руку брала,
Всё куда-то спешила-летела,
Всё заботы, бега да дела...

Ты ушла... Незаметно, без споров,
В ненадёжности нынешних дней
Свет и мудрость твоей поговорки
Стали тихой опорой моей...

... Вновь апрель. Вновь сквозь землю упрямо
Лезут шильца травы молодой.
Светлый ангел по имени Мама
С неба ласково смотрит за мной.

Материнство

О, материнство! Божий дар пресветлый!
О, трепетное чудо из чудес –
В себя принять и выносить под сердцем,
И Человека в мир явить из чресл!

Как нас Господь одаривает щедро
В тот незабвенный, в тот великий миг,
Когда поднимут руки акушера
Над нашей болью первый детский крик.

Всё будет, всё – печали и восторги,
Прелестный лепет самых первых слов
И первый шаг, и первые уроки,
И первый грех, и первая любовь.

Мы всё пройдем, всё повторим, всё сможем,
Переживём и с ними, и за них...
О, сколько будет ноченок тревожных!
О, сколько слёз мы выплачем своих!..

И сколько надо положить нам жизни,
Любви, терпенья, силы и ума
На все их беды, нравы и капризы,
На сбитые коленки и сердца...

И – вырастут. И станут красить губы.
И усики пробьются над губой.
И будут спорить, вредничать, и будут
Взрослеть... и поздно приходить домой.

И – разлетятся. Письма будут редки.
А в грозном мире так тревожно жить...
И будем бегать вечером к соседке,
Умеющей на картах ворожить.

Так – до конца. До смертного причала.
Не спать, молиться и посылки слать.
И каждый день всё начинать сначала,
И не устать надеяться и ждать.

О, материнство! Тихое свечение
Бессонных глаз и воспалённых век,
Святейшее жены предназначенье
И самый сильный миру оберег.

Из «Диалогов с сыном»

*А время летит вперёд,
А время меня не ждёт...
Из стихов сына*

И вот пролетело... Давно ли, давно ли
Ребёнок на ножки некрепкие встал,
Смеялся на ёлке, готовился к школе
И первые гаммы на скрипке играл?

Лишь грустная память рисует послушно:
Преддверье зимы за холодным окном,
И в форточку дует (всегда ему душно!),
И старая лампа горит над столом.

И мальчик, глаза близоруко прищурив,
Забыв про уроки, про книжки, про смех,
Над белым листочком впервые колдует

И прячет заветный листочек от всех.

*Я в завале. всё в огне
Под ногой зола.
Это он подстроил мне,
Чёрный Ворон зла.
Из стихов сына*

Пламя бьёт до самых глаз
Больно, горячо.
Ворон вьётся и сейчас
Сядет на плечо.

Стой же, крепче стой, мой сын!
Всё перетерпи.
Помни, мальчик: не один
В грозном мире ты.

Жжёт огонь ли, дождь ли льёт,
Ветер валит с ног,
Или подлость душу бьёт –
Я с тобой, сынок.

Торопливые строчки
Небольшого письма...
Вот и выросла дочка –
Хороша и умна.
Улетела из дома,
Где грустит? Где поёт?
И уже незнакомой
Своей жизнью живёт...
И светло, и тревожно
На душе за неё.
Вот и выросла... Боже,
Да давно ли, давно
С сумкой в школу бежала
По искристой траве?
И смешно обижалась,
Хмуря стрелки бровей:
«Что получше – так Лёшке,
Что похуже – так мне!
И глаза ему – больше,
И ресницы длинней!...»

Я её утешала:
«Расцветёшь, как цветок!»
И, смеясь, целовала
Золотой завиток.
...Расцвела. И, как птица,
Устремилась в полёт.
Ей – летать. Мне – молиться
За полёты её.

Внучке

Внученька, внучка... Улыбка до уха,
Сосредоточенность ясного лба,
Слёзы, два зуба, причёска из пуха –
Таинство Жизни. В истоке судьба.

Всё ещё цельно, и нет разделенья
Неба и хлеба, зимы и звезды.
Ты – средоточие целой Вселенной,
То есть, Вселенная – попросту ты.

Нет ни предметов, ни слов, ни понятий –
Есть только мир, и он дать тебе рад
В кошке и пупсе почувствовать братьев,
Не сознавая понятия «брат».

Как восхитительна чистая святость
Полной невежды в земном бытии.
Как проникающе-радостна сладость
Тронуть губами ладошки твои!

Глазки доверчивы. Тянутся ручки
Равно охотно ко льду и к огню.
Мир так заманчив и так неизучен,
В нём ещё вечность равняется дню.

Ах, как отрадно, что есть на планете
Место святое, где, красно-легки,
С визгом и смехом, как солнечный ветер,
Катят навстречу твои ходунки!

- Что, нет сил? – Глядит, не слушая,
Ложка падает из рук.
Засыпает, не доужинав,

Мой усталый младший внук.

На кровать себя доверчиво
Позволяет отнести.
Я велю тихонько вечеру
Сны волшебные впустить –

В них драконы с динозаврами,
Самосвалы и жуки...
Я, с посудой управившись,
Довяжу ему носки.

Освящает Ангел ласковый
Наше тихое жильё.
Спит любитель птеродактилей,
Продолжение моё.

Августовские астры
В синей вазе стоят.
Из духовки шарлотка
Чудный льёт аромат.
Чабрецом и малиной
Пахнет свеженький чай.
День кончается длинный.
Внук набегался, чай,
Надо кликать на ужин.
– Кит! – Щас, баба, лечу!... –
И с разбегу – по луже...
Открываю. Ворчу.
Раскраснелся, лохматый,
Уж футболка мала...
– Баба, клёво как пахнет!
Ты шарлотку пекла?..
...Пьём чаёк с новостями
И шарлотку едим
И с усмешливой лаской
Друг на друга глядим.

Дети, взрослые дети мои,
Как хочу я вам света и счастья,
Чтобы вас никакие ненастья
До отчаянья не довели.

Чтобы в сердце надежды цвели,
Чтобы беды все – преодолимы,
Чтоб вы были добры и любимы,
Дети, взрослые дети мои.

Чтобы – рядом вы или вдали,
Но не вышли из кровного круга,
Чтоб всегда вы любили друг друга,
Дети, взрослые дети мои.

Проходит время нужности моей
Любимым детям, ненаглядным внукам.
Остались за туманом давних дней
Моя забота и моя наука.

Все выросли... и что же делать? – жизнь
У них другая, и другие цели...
Дай Бог, чтоб их крутые виражи
Не вынесли на жизненные мели.

Дай Бог им счастья, радости, побед,
Успехов, путешествий, крепкой дружбы
И сохрани от непосильных бед,
От зависти и от постылой службы.

Молюсь за них, за дальних, дорогих...
Мой дом открыт, любовью полно сердце –
Чтобы – случись ненастье в жизни их,
В любой момент им было, где согреться.

Родина

На отъезд Д.Е.К.

Что мне сказать о Родине моей,
Где светлый день, как Божье чудо, редок?
Позор и горе разделяя с ней,
Одно лишь знаю: до последних дней
Не разлюблю, не брошу, не уеду.

Междоусобица

*Избави ны от глада, губительства,
Труса, потопа, огня и меча,*

И междоусобныя брани...

Старинная молитва

Пощадили потопа и моры,
Не сгубили ни голод, ни трус –
Братней кровью в жестоких которах
Захлебнулась печальница-Русь.

Перед братоубийственной сечей,
Сняв шелома, входили во храм,
Зажигали горючие свечи
Цвета завтрашних огненных ран.

И у Бога победы просили,
Богородицу в помощь призвав:
Над Мстиславом упрямый Василий,
Над Василием – гордый Мстислав.

Стрелы застили ясное солнце,
Лязг мечей Божьих птиц заглушал.
Со слезами, проклятьем и стоном
Отлетала от тела душа.

Мать средь трупов сыночка искала,
Выли волки в полях по ночам.
Страшно в храме пустом истекала
Восковыми слезами свеча.

Что, Россия, сказать тебе,
Что, родная?
Что – о страшной твоей судьбе? –
Я не знаю...

Написать ли, как звонкий луч
Бьёт побудку?
Как лепечет весёлый ключ
В незабудках?

В незабудках твоих бензин
Да окурки.
Мнёт и топчет их чуженин,
Ушлый, юркий.

Написать о детях твоих
Ясноглазых?

О весёлых талантах их
Иль о язвах?

Видишь – пьют одни по углам
Да горюют,
А другие по головам
Их гарцуют.

Твоей честью родимый сын
Твой торгует,
Смотрит, как берёт чуженин
Мать родную.

Поднялись, наконец, с земли
Твои храмы,
Но и там дефицит любви,
Язвы, раны.

Но и там для своих лишь свет
Благодати.
Для других – осужденья спесь
Да проклятья.

Разлюбить бы, глаза закрыть –
Не глядели б
На чумные твои пиры,
На панели...

Только, плача, опять иду,
С злой любовью
Горькой, пьяной, цветы кладу
В изголовье,

Глажу руки, молю, скорбя:
Встань, родная!..
Чем помочь, чем отмыть тебя –
Я не знаю...

Мы

Всё не так, как у добрых людей –
То Гулаги, то воры, то войны...
Расстреляли своих лебедей,
Чтоб потрафить заморской вороне.

Что же сделали с Родиной мы,
Всё предав и продав и развевая,
Нахлебавшись суммы и тюрьмы,
Бога бросив и бесу поверив?..

Глаз не колют ни стыд и ни страх,
Что детишки немытые наши
При живых матерях в детдомах
Ждут чужую холодную кашу.

И не стыдно ни грабить, ни лгать,
Если выгодно грязное дело,
И не стыдно любовью назвать
Содроганья развратного тела.

Что разверзнется – атомный ад
Иль духовный – мы равно в ответе.
Ведь доверчиво в завтра глядят
Звери, птицы и малые дети.

Лесной пожар

Пластал пожар. Ревел, и жрал, и злился,
Темнело солнце, уходило вспять.
Бежали звери, улетали птицы,
Деревья оставались умирать.

Огонь их брал с размаху, всею мощью,
Смола вскипала, лопалась кора.
И крикнуть нечем... Обречённо, молча
Шло превращенье: факел – дым – зола...

К заре огонь ушёл за перевалы.
Боялись звёзды на землю смотреть.
Там, где смеялись сосны, птицы, травы,
Лежала чёрная, немая смерть...

Заброшенный дом

Заброшенный дом. Покосилось, осело крылечко,
Полынь с лебедою заполнили садик и двор.
Не ждёт уж ни дров, ни хозяйки холодная печка,
В углах паутина да мышью оставленный сор.

Заброшенный дом... А в нём жили хорошие люди,

И серая кошка сидела на чистом крыльце,
Хозяйка несла пирожки на фаянсовом блюде,
Светилась улыбка на ласковом тихом лице.

Садились за стол ребяташки шумливой гурьбою,
Хозяин – с получки – конфетами их оделял.
И добрая печка клубила дымок над трубою,
И пел самовар, и начищенным боком сиял...

...Сегодня дождит. Тишина в опустевшей деревне.
Лишь в редких домах загорается вечером свет.
Стареют в садах и тихонько дичают деревья,
Давно в палисадниках мальв и петунии нет.

Уходят деревни с домами, дымами, садами,
С руками в мозолях, с раздольем пшеничных полей,
Уходят деревни с такими родными сердцами...
Уходят деревни, и пусто без них на земле.

Цветёт рябина. Как она цветёт!
Как непорочны белые соцветья,
Какой отрадой и надеждой светят
Средь наших войн, безверья и невзгод!..

Нас даже солнце не желает греть,
Хотя в календаре настало лето,
Природа призывает нас к ответу
За то, что обрekli её на смерть,

За доллары отдали силам зла
И землю, и деревья, и деревни.
... Напомнить нам о преданном доверье
Отчаянно рябина зацвела.

Гнев Природы

Таинственными гулами
Наполнен тёмный лес,
Дубы ветвями голыми
Хватают край небес.

Разгневанные молнии
На части небо рвут,
Деревья исступлённые

Песнь ужаса поют.

Дождь льёт-не прекращается,
Сердито гром рычит,
И в речки превращаются
Вчерашние ручьи.

Ветрище бьётся-мечется
Меж гнущихся стволов,
Страшна, безумна речь его
Из непонятных слов,

Свистит мечом Дамокловым
Под уханье громов,
Срывает крыши мокрые
С испуганных домов.

Разгневанная, страшная,
Сильна, как никогда,
Встаёт Природа-Матушка
На наши города.

За вырубки, за стрельбища,
За смерть лесов и рек,
За выбитые лежбища
Ответишь, Человек!

Уходящее...

Дом стар. Почернели стены.
Подгнил престарелый брус.
У входа в тёмные сени
Калиновый горький куст.

Хозяева на погосте,
Но скатертью стол накрыт.
Ночами приходят гости:
Чета длиннохвостых крыс.

Висит над столом икона
Дешёвенького письма.
Растресканный подоконник,
Сгущающаяся тьма.

Осколки ушедшей жизни,

Ненужный потомкам хлам...
О, сколько в моей отчизне
Невидимых Богу драм...

Чем дольше живу, тем люблю тебя больше,
Сибирь – мой исток и судьба.
Урёмы да мари, распадки да рощи,
Ключи да родная изба,

Дожди да туманы, снега да метели,
Сверкание утренних рос,
Высокие кедры, угрюмые ели,
Весёленький ситчик берёз...

Жарки да саранки мне путь освещали,
Да марьины корни цвели.
И в час мой последний качнутся прощально
Цветы моей милой земли...

Мой Ключ

Вода была сладка!.. и жарким летом
Пронизывала холодом до пят.
Цвели жарки жёлто-горячим цветом,
И пели вёдра, и горел закат...

Мой Ключ! Исток мой, первый и любимый!
Как ты бежал, по камушкам звеня!
Как щедрою водой, водой родимой
В буквальном смысле ты вспоил меня...

Счастлива, что я живу в Сибири,
Где цветут саранки и жарки,
Где ещё не всю тайгу срубили,
Не все кедры в евро превратили,
Не все души вышли на торги.
...Где цветут саранки и жарки!

Проплывали прекрасным виденьем
Горы, реки, деревья, цветы.
И упала душа на колени
Пред величием земной красоты.

И взлетела над облаком белым,
Словно ветер, легка и вольна.
Без границ, без преград, без предела
Ей открылась родная земля:

И скала, где орлиные гнёзда,
И река, где таится таймень,
И луга, где кипрей нежно-розов,
И леса, где пугливый олень...

Вот и вечер, и длинные тени,
И прохлада окутала лес,
А душа всё стоит на коленях,
Не спускаясь с высоких небес.

О родине...

Хакасия... Прекрасная земля.
Прекрасен Енисей, тайга и горы,
И степи вольные с менгирами седыми,
И жаворонки в ясной синеве.
Я здесь давно. Люблю её ветра
И писаниц таинственные знаки,
И гибкий чий у древнего Салбыка,
И улицы посёлка своего.
Здесь выросли и дочь моя, и сын,
И, с каждым летом подрастая, внуки
Купались в Енисее и ходили
По улицам, по паркам, по горам.
Как радо сердце помнить голоса
И смех их, и весёлые дороги
По Сундукам, по Белому Июсу,
Подъём на дорогу нам Кюн-Таг...
Я здесь живу. Я это всё люблю.
...Но только там, в далёком Забайкалье,
От счастья плача, я целую землю
В полыни, эдельвейсах и ключах...

Здесь жили красивые люди с весёлым названием –
динлины,
И пели протяжные песни, и нянчили смуглых детей.
Кровавые битвы гремели вот в этой, вот в этой! – долине,
И так же, как нынешним утром, в туман убегал Енисей.

Кто плакал над этим курганом? Чью радость сокрыл он навеки?

Кого легконогие кони к закату умчали стрелой?
Молчат одинокие стелы, молчит иссушающий ветер,
Плывёт вековое Молчанье над древней прекрасной землёй.

Умолкнут и наши минуты, утихнут и наши заботы,
Вольются рыдания и песни в Молчание древней земли.
И будет закат огнеликий манить и тревожить кого-то,
А мы, как когда-то динлины, уже растворимся вдали.

Наши горы

Вольная воля – небо да ветер,
Сокола плавный полёт...
Всё ненаглядно здесь – солнце ли светит,
Дождь ли звенящий идёт.

До горизонта – всё горы и горы
Под одеялом степей.
Великолепны родные просторы –
Небо, ковыль, Енисей.

Змейка скользнула с нагретого камня,
Ястреб упал с высоты,
Замер менгир у седого кургана,
В ноги плеснулись цветы.

Как, на вершину поднявшись, приятно
Ветру подставить лицо,
Как обдаёт он полыньёю и мятой,
Солнцем, землёй, чабрецом...

Снова душа себя настежь раскрыла!
Хочется плакать и петь,
Хочется, руки раскинув, как крылья,
В синее небо взлететь.

Возвышается старый менгир
Над бескрайней ковыльною степью
И ушедший таинственный мир
Бережёт в своём каменном сердце.

Время точит менгиру лицо,
Всё смуглее оно, всё мудрее.
Всё нежнее сухим чабрецом
От земли успокоенной веет.

Рядом змейка свернулась кольцом
Среди горьких побегов мангыра.
И горячим степным жеребцом
Время мчится, не тронув менгира.

Стала всем, кто молился пред ним,
Степь родимая вечной постелью.
Одинокий, забытый кумир,
Одинокая песня над степью...

Как красивы июньские степи,
Когда клонит ковыль ветерок,
Как он шёлком серебряным светит
Вдоль степных бесконечных дорог!

Как он льётся, волнуется, тает,
Заставляет мерцать окоём,
Как цветок одинокий сверкает
Драгоценным рубином на нём!

И мелодия чудная льётся,
В ковылях замирая, плывёт —
То ли солнце над степью смеётся,
То ли жаворонок поёт...

Память

Я камень. Я стою века
В Степи Великой.
Открытый солнцу и ветрам,
Я тёмен ликом.

Орёл мне сядет на чело
Следить добычу.
А мимо столько лет прошло —
Десятки тысяч...

Уж мхи и травы мне в глаза
Настырно лезут...

А тот, кто лик мой вырезал,
Был юн и дерзок.

Он очи мне резцом открыл,
И, бубну вторя,
Шаман мне губы окропил
Горячей кровью.

И вождь стоял у ног моих,
Творя молитву,
И пел хайджи гортанный стих
О давних битвах.

Я помню всё: их свет и мрак,
Любовь и песни,
И крик беды, и конский храп,
И жажду мести,

Полёт стрелы, шатров тепло,
Раздор, согласие...

... Ушли. И время их ушло.
А я остался.

Снегопад в Абакане

Этот город, эти ели,
Эти сонные берёзы,
Этот белый, этот тихий,
Этот дивный снегопад...

Сквозь него – такой туманный,
Такой сказочный и белый –
Крыши, стены и деревья
Чуть улавливает взгляд.

Только ели, только ели,
Словно стрелы великаньи,
Снегопад с трудом пронзают
И до неба достают.

А его не видно – неба,
И земли уже не видно,
Лишь снежинки невесомо
Их сшивают... шьют и шьют...

В Пушкинском сквере

Скверик полон птиц, деревьев,
Клумб, скамеек и детей.
С любопытством и доверьем
С ветки смотрит воробей.

Кот учёный хитро смотрит,
Лебедь белая плывёт.
У мороженщицы строгой
Мальчик эскимо берёт.

Голубей весёлых стая
Над деревьями летит.
На всё это с пьедестала
Пушкин весело глядит –

За мальчишками вприпрыжку
Сам помчался бы бегом!..
И стремится к небу вышка
С золоткрылым петушком.

Двенадцать месяцев

В каждом месяце прелесть своя:
То снежинок жемчужная россыпь,
То беспечная майская просинь,
То колдует лукавая осень –
Льётся сладкая песнь Бытия...

Январь

Белые дни уж заметно длиннее:
Солнце на лето, зима – на мороз.
Начался год озорным снеговеем,
Спутавшим сонные ветки берёз.

Начался год. И с надеждою новой
Мы открываем глаза по утрам.
В окна струится прозрачный, лиловый
Утренний свет. И так верится нам:

Будет побольше доверья и света,
Будет поменьше сомнений и слёз.

Солнце на лето, ведь солнце – на лето!
И ничего, что зима на мороз.

И ничего, что наш путь слишком длинен,
И ничего, что устала душа...
Году – начало. Зиме – середина.
Преодоленья отчаянный шаг.

Февраль

Уже февраль. Всё мягче и серее
Ложится снег. Кончается зима.
Как на неяркой старой акварели,
Всё в мягком свете: тёплые дома,
И голые деревья, и скворешни,
И небо над подтаявшим двором.
Февраль горит неярко и неспешно
Старинным потемневшим серебром.

Сиреневые горы на закате
Приблизятся. И в памяти всплывёт
Девчонка в полинялом старом платье,
Которая меня не узнаёт
Усталую и взрослую... С ней дружат
Горбатые сугробы, воробьи,
Сосульки и собаки. Ей не нужно
Моих умильных строчек о любви.

И я ещё сменю её нескоро.
Но для меня она в душе хранит
Сиреневые ласковые горы,
Серебряные ласковые дни.

Март

Синий март. Благодать на земле и на небе.
Белизна облаков и оживших берёз,
Синева первых луж и последнего снега,
Синь высоких небес и вернувшихся грёз.

В изнемогшей душе тихо тают печали
Вместе с клочьями снега под дерзким лучом.
И прекрасней симфоний простое журчанье
Из-под снега пробившихся синих ручьёв.

Под капельную звень пьют синицы из лужи,
Ветерок шелестит в паутине ветвей,
И орёт переживший январскую стужу,
Захмелевший от синей весны воробей.

И не так уже сердцу усталому больно.
В благодарной улыбке чуть дрогнут уста,
Встрепенётся надежды крыло голубое,
И такая святая в душе чистота...

Апрель

Апрель. Пробивается первая травка,
И пахнет оттаявшей влажной землёй.
Скворцы исполняют концерт по заявкам
На празднике жизни.

Весёлый и злой

Хакасский ветрище по улицам хлещет,
Совсем одурев от весенней игры.
И каждая лужа алмазами блещет,
И каждая почка готова на взрыв.
И души теплеют...

Май

Цветут сады. В ажурной пене вишен
Так хороша, так радостна земля,
Так ласков ветер. В юной травке слышен
Уютный гуд пушистого шмеля.

И по утрам спускаются туманы,
И в полдень так прозрачны небеса,
И всё вокруг окутала дурманом
Черёмух белых горькая краса.

Я, до краёв пронизанная светом,
Не нагляжусь на милую весну
И даже лёгкой паутинки с веток
Неловкою рукою не стряхну.

И, на меня косясь колючим оком,
Расправив важно хвост зелёный свой,
Гуляет в одуванчиках сорока,
Смешно вертя носатой головой.

Июнь

Юный, прекрасноцветущий июнь!
Синь колокольчиков, пламя пионов.
Лезет на стенку настойчивый вьюн,
По вечерам комариные звоны
Снова слышны за открытым окном.
Весело рдеет на грядке редиска,
Весело, в радугах, катится гром,
Весело в травах роса серебрится.
Благоухает сирень по дворам,
Долгую жизнь обещает кукушка.
Тихо в той комнате, где до утра
Снова осталась несмятой подушка –
Юным в июне совсем не до сна,
Ночи венчают их звёздной короной.
И из раскрытого настежь окна
Неповторимо звучит « Баркарола».

Июль

Макушка лета, свет и жар – июль.
Весёлая горячая работа.
До света встать, с окна отдёрнуть тюль,
Заботливо на небо глянуть: что там?

Звенеть косой по утренней траве,
Во рту лелея сладость земляники,
Увидеть, как усталый соловей
К росе алмазной клювиком приникнет.

И в жаркий полдень сладко ощутить
Вкус родника и тяжесть звонких капель,
Упавших с губ; и ловко подхватить
Валок шуршащий лёгким взмахом грабель.

Июль – и запах сена над землёй,
И медленные тихие закаты,
Прохладный ветерок перед зарёй,
Грозы далёкой гулкие раскаты.

И ждут хозяйки стадо у ворот,
Лягушки музицируют до ночи.
И жизнь идёт, и лету - поворот,
И дни уже становятся короче.

Август

Воздух прозрачный и зори прохладные – август.
Утром туман серебрит ещё пышную зелень.
Ярко и холодно рдеют махровые астры,
Звёзды всё строже глядят на греховную землю.

Сколько ошибок, грехов и безумств совершалось,
Сколько дарилось любви из бесценного клада...
Август приходит, приходит пора урожая –
Вознаграждение, возмездье, расплата, награда...

Платье зелёное красной рябиной украсив,
Лето уходит, и мы, наконец, прозреваем:
Только любовью, лишь ею одной мир прекрасен.
Любим светло, и любимых своих понимаем.

Сентябрь

Благословен синезвёздный сентябрь
Золотолиственный!
Долгих закатов прозрачный янтарь,
Чистого воздуха знобкий хрусталь –
Месяц единственный!

Месяц рождения мой. До зари,
В утренней роздыми –
Первый мой вздох, первый взгляд, первый крик,
Ветка рябины – на счастье! – горит
Звёздными гроздьями.

О, мой сентябрь! Листопад, журавли,
Крики прощальные...
Снова вино твоё бродит в крови,
Месяц рождения горькой любви,
Поздней, отчаянной.

О, как мучительно-сладок мне плен
Власти таинственной!
Что меня ждёт? Воскресение? Тлен?
Благословен будь, благословен,
Месяц единственный!

Октябрь

«Роняет лес багряный свой убор»...
Стихи бессмертны, и бессмертна осень,
Бессмертно всё, о чём мы Бога просим:
И красота, и ясность, и любовь.

Бессмертно небо с первою звездой,
И на траве хрустящий, нежный иней,
И дом, и смех ребёнка беспричинный,
И золото берёзки молодой.

И **тот** октябрь – пустых полей простор,
И золотая грустная аллея,
Кудрявый Пушкин в молодом Лицее,
И лес, опять роняющий убор.

Ноябрь

Грустные сумерки года.
Тусклые серые дни.
Холодно, ветрено, голо,
Ранние в окнах огни.
Так неприкаянно ветер
Мечется в голых ветвях,
Солнце неласково светит,
Носится пепельный прах
Листьев умерших. И снова
Тёплое нужно пальто.
...Вот бы уехать – где солнце,
Где нас не знает никто.
И раствориться в закате,
И – ни тебя, ни меня...
...Чистых снегов благодати
Просит у неба земля.

Декабрь

Вот и декабрь. Зажигаются свечи
Трепетным светом над тихим столом.
Всё необычно, всё тайна – и встречи,
И разговоры, и сам этот вечер
С хлопьями снега за синим стеклом.

Всё – волшебство: ожидание ёлки,
Утренний иней, стихи о зиме,

Детство, счастливо летящее с горки,
Синие тени на белой земле.

Как он таинственен, мир этот снежный...
Что нам пророчит синичкина трель?
Как глубоко, как печально и нежно
Ты, уходя, на меня посмотрел...

Таинство взгляда и таинство слова,
Очерк сладчайших, любимейших губ...
Чисто, по-детски мне верится снова,
Что ничего не случится плохого
В нашем таинственном новом году.

Весна

Ранняя весна

Ещё снега, ещё лежат снега,
Но март уже зашёл за половину.
И ясный месяц острые рога
Уже круглит и выгибает спину.

Уже пошла на землю синева
С умытого весенним ветром неба,
Уж воробей тихонько поклевал
Набрякшую тугую почку вербы,

Прислушиваясь: скоро ли она?
И полетел, кивнув довольно – скоро!
Позеленела старая сосна,
Приблизились сиреневые горы.

Потеет снег и оседает вниз,
И набухают у деревьев вены,
И неупавший прошлогодний лист
Ждёт с нетерпением молодую смену.

На улице багульник продают –
Коричневый, в весёлых круглых почках.
Синицы мне стихи мои поют,
Капель в тетради ставит многоточье.

Ещё лежат глубокие снега,
Но так беспечны юные сосёнки,
Так весело в заснеженных лугах,
И так синицы распевают звонко –

Идёт весна. И на Суматре, там,
Где жаркий ветер над бамбуком дует,
Скворцы родные, собираясь к нам,
Погоду ждут и крылья тренируют.

Снег на улице тает,
Подсыхает асфальт.
Длинноносою стаей
С крыш сосульки висят.

Мелодичные звоны
Рассыпает капель.
Чем-то свежим и новым
Пахнет старая ель.

Легконогие дети
В ярких куртках бегут,
И работники ЖЭКа
Снег последний гребут.

Одуванчик

Расцвёл, мой хороший? Ну, здравствуй, дружок,
Прелестное чадо Весны!
Зачем торопился? Ведь холодно ночью
Под призрачным светом луны,

И ветрено утром. Вот видишь, как мглисто
Холодная светит заря?..
Но жёлтым теплом пяточок твой искрится,
Весёлую радость даря.

Он солнечной кисточкой щедро окрашен,
Он так очарован Весной,
Что в сердце теплеет.

Цвести, мой бесстрашный!
Спасибо за радость, родной!

В асфальте трещина, там одуванчик спит,
Легко смежив зелёные ресницы.
Над ним заря весёлая горит,
И славословят утренние птицы.

Сейчас и он под ласковым лучом
Проснётся, чтоб воробушков послушать,
Доверчивым лучистым пятачком
Украсит мир и уврачуе душу.

В нём явлено всей жизни торжество,
В нём скрыты тайны всех на свете вёсен.
О, Боже, отведи же от него
Спешащие подошвы и колёса!

Песенка о весне

Снова синие птицы
Из-за моря летят,
Снова яркие ситцы
Женский радуют взгляд.

Сарафанчик на лето
Шьётся ранней весной –
Значит, будет всё это:
Лето, солнце и зной.

Пусть сегодня сугробы –
Завтра будут ручьи,
По весёлым дорогам
Зашагают грачи.

Пусть под снегом спят пашни,
Только ты не забудь:
Где-то скворушки наши
Уже тронулись в путь.

Весна в городе

Упоительно пахнет землёй,
Оживающей, жизнеродящей,
И не может бензинная вонь
Победить этот запах пьянящий.

Там, где выхлопы джипов и «Лад»,
И людская нелепая давка,
Обнимает бездушный асфальт
Молодая зелёная травка.

Так доверчиво жмётся она
К каблукам равнодушных прохожих,
Так она беззащитно-нежна,
Так на детскую душу похожа...

Вечер в вагоне

Спускается ночь на болото с калужницей,
На трепетность ветрениц, пламя жарков,
На блеск простодушной застенчивой лужицы,
На мой громыхающий временный кров.

Деревья плывут, потемневшие, строгие,
Из синего неба таинственность пьют.
Деревни, при солнечном свете убогие,
Теперь обещают нездешний уют.

Всё больше темнеет. И в небе безоблачном,
Лия в мою душу отрадный покой,
Как ангелы Божьи, весёлые звёздочки
Глаза открывают одна за другой.

И снова...

И снова снег с земли сойдёт в апреле,
Земля вздохнёт, напьётся, оживёт.
Взъерошит ветер ветки, воды, перья,
Всё встрепенётся, вздрогнет, запоёт...

Забродит сок в проснувшихся берёзах,
И снова листья станут почки рвать.
И снова в небе захохочут грозы,
И ливни хлынут землю целовать.

Почистив перья, распоётся сойка,
Гранатовыми станут тополя.
И снова ляжет под мои кроссовки
От медуницы синяя земля.

И снова я в бессмертие поверю

Себя и мира, света и добра.
И снова будут солнце пить деревья,
И золотеть сосновая кора.

Рассвет

Солнце ещё не взошло, и седая роса
Отяжеляет дремотные тёмные травы.
Но над горой уже рдеет зари полоса,
И вразнобой затеваются птичьи хоралы.

Вот всё дружней и всё слаженной радостный хор,
Вот соловей уже вышел с рассыпчатым соло.
Чётче и ближе становится линия гор.
Мир замирает и ждёт появления солнца.

И выплывает, растёт из-за синей горы
Ясный сияющий шар... И божественно-просто,
Щедро на мир рассыпает лучи, как дары,
И зажигает алмазами белые росы.

Как они блещут, сверкают, смеются! И пьют,
Пьют их взахлёб и лучи, и шмели, и пичуги.
Волны речные тихонечко в камешки бьют,
Плеск свой вливая в хвалебную песню округи.

И умываю лицо я холодной росой,
И становлюсь молодой и весёлой, как прежде.
Небо от пеня звенит над моей головой,
И утверждается Вера, Любовь и Надежда.

